

Христианство о справедливости

Свое понимание справедливости имеет религия. Источником данной добродетели, равно как и всех иных добродетелей, провозглашается бог. А мера присутствия их в жизни каждого индивида ставится в непосредственную зависимость от степени его благочестия. Христианство преувеличивает роль покаяния в справедливом вознаграждении человека за его труды. Особенно важно оно, когда деяния субъекта имеют греховный характер. В отношениях между обидчиком и обиженным покаяние должно быть взаимным, равно как и взаимным должно быть чувство вины. С позиций светской морали такая постановка вопроса граничит с абсурдом, ибо обиженный (не получивший причитающуюся ему долю справедливости) объявляется виновным в этом, нередко не меньше чем тот, кто проявил по отношению к нему несправедливость. Но христианство использует иную – свою – систему ценностей, позволяющую интерпретировать поступки и действия людей в другом формате.

Провозглашая непотворение злу насилем принципом и нормой человеческого поведения, оно теоретически (теологически) выступает против любой силы, естественно, кроме божественной, как способа регулирования отношений между людьми. Последовательно проводится мысль, что «...наказание за преступление лишь умножает количество мирового зла» [Марков Б.В. Философская антропология: очерки истории и теории. – СПб.: Изд-во «Лань», 1997, с.82]. Она в некоторой мере правильна. И вполне пригодна для теоретических, в том числе богословских рассуждений. Но как только теория соприкасается с практикой, становится очевидным, что наказание – не только зло, но и благо. Последнее его проявление – форма торжества поправленной справедливости. То, что является злом для одних, нередко становится благом для других. Изолируя преступника в место лишения свободы, суд, во-первых, воздает ему по заслугам, а, во-вторых, минимизирует для других членов общества возможность стать его очередной жертвой.

Поэтому вряд ли можно безоговорочно согласиться с христианским постулатом, что сила лишь порождает, а не побеждает зло.

Привлекательность христианства в том, что оно, среди многих других моментов, провозглашает справедливость как некую абсолютную ценность, торжество которой принесет счастье каждому. Но эта ценность в данном выражении имеет слишком абстрактный характер, а средствами ее воплощения на практике выступают религиозная вера, служение богу и творение добрых дел. Христианство как бы забывает, что жизнь – сложное переплетение духовного и материального и решить многие ее проблемы, используя лишь каналы духовного, в том числе морального, влияния на человека, невозможно. Справедливость здесь изначально лишается материальных рычагов, позволяющих эффективно заявлять о себе в разных сферах человеческого бытия, отстаивать право на существование, бороться со своей противоположностью. Тем самым обрекается на вечные скитания в трудном мире личных и групповых коллизий, борьбы интересов и страстей, противостояния добра и зла.

Декларируя справедливость как абсолютную ценность, христианство изначально противопоставляет ей другую ценность, тоже имеющую в обществе статус абсолюта – силу. Первая обладает могущественным нравственным потенциалом, но лишена достоинств, позволяющих ей, сохраняя свою привлекательность, адекватно воплощаться на практике. Вторая почти не заботится о своем нравственном и эстетическом облике, но пользуется популярностью у людей из-за собственной неумемной энергии, способности везде и всюду заявлять о себе, достигать победы. Как бы ни были различны эти две ценности, они взаимно заинтересованы друг в друге. Справедливость получает в силе средство для имплементации в жизнь, а сила, благодаря справедливости, – нравственное оправдание. Правда, это совсем не означает, что справедливость можно и нужно насаждать силой. История знает множество примеров, когда такие попытки заканчивались превращением справедливости в свою противоположность.

Стремления христианства, с момента его возникновения, всемерно способствовать утверждению справедливости на практике долгое время наталкивались на активное противодействие со стороны властных структур, в первую очередь из-за того, что эта религия изначально пыталась дистанцировать себя от силовых путей решения вопросов и проблем. Как ни преподносит в качестве путей нравственного совершенствования человека и его приближения к богу уход верующего в себя, сознательное отречение от радостей мирской жизни через изоляцию в монастыре, отказ от участия в общественной жизни, нежелание смотреть телевизор и читать газеты – все это не способно отменить и даже ничтожно мало качественно изменить реальное бытие чувственно-практических отношений между людьми, реальную борьбу добра и зла, справедливости и силы. История каждой религии, христианство – не исключение, – это не только процесс влияния ее на общество, государство, социальные институты, но и не менее активный, а нередко и более мощный, процесс воздействия социума на религиозные учения и деятельность церкви. Следствие этого – взаимные интегративные тенденции общества и государства, с одной стороны, и религии и церкви – с другой. В средневековой Европе это привело к тотальному клерикализму католического толка. Да и современный мир знает примеры не только наделения отдельных религий и церквей статусом государственных, но и выстраивания жизни общества и государства по непосредственно религиозным канонам. Применительно к таким ситуациям сложно сделать однозначный вывод относительно того, что одержало верх – справедливость над силой или наоборот.